

Земля не тверда по природе, так как она может расплавляться и воспламеняться. Твердой она становится не под действием веса воздуха и огня, ибо эти элементы невесомы. Истинная причина ее твердости — непрерывное движение воздуха и огня, которые, сжимая со всех сторон землю и воду, придают им плотность и твердость. Верно и обратное: легкость тоже объясняется движением; все, что движется, опирается на неподвижную точку, а в случае вращательного движения — на центр вращения. Воздух и огонь имеют потребность в таком центре, на который опиралось бы их движение, и этим центром является земля. Божий философ (*philosophus divinus*) Моисей имел основания сказать, что Бог сотворил небо (огонь и воздух) и землю (воду и землю), но его нужно понимать в том

смысле, что Бог сотворил движущиеся частицы, которые, двигаясь, образовали прочный центр, необходимый для их движения. Механистический характер этого объяснения примечателен. Вместо теории «естественных мест» Аристотеля мы имеем здесь кинетическую экспликацию элементов: легкость воздуха и огня — это лишь результат их движения, и это движение, придавая твердость земле и тяжесть воде, в то же время нуждается в них как в точке опоры. Тем самым становится понятно, почему Бог должен был сотворить их одновременно*; Теодорик и пытается показать, что именно «Моисей называет небом и землей и как физики объясняют их одновременное сотворение».

Таким образом, уже в XII веке возникли связанные с платонизмом механистические тенденции, которые вновь проявятся в XIV столетии, когда отойдет в прошлое аристотелизм XIII века. Знаменитая теория движущей силы, влагаемой в движущиеся тела (*impetus*), которую парижские оккамисты XIV века будут выдавать за собственное открытие, — представляется Теодорику Шар-трскому вполне естественным объяснением состояния тел в движении: «Когда бросают камень, сила броска (*impetus projecti*) возникает оттого, что бросающий опирается на что-то твердое, и чем сильнее он опирается, тем мощнее его бросок (*tanto jactus projicientis est impetuosior*)». Кстати, подобный подход к космогонии хорошо согласуется с его общей склонностью к математике, которая наложила отпечаток на всю мысль Теодорика. Для того чтобы понять Книгу Бытия, теология нуждается в науках «квадривия» — арифметике, музыке, геометрии и астрономии. Их общим элементом является число, начало которого — единица; следовательно, она — основополагающее понятие, которым определяется всякое рациональное объяснение.

Взятая сама по себе, единица устойчива, неизменна, вечна; число изменчиво и переменное, поскольку оно изменяется путем прибавления или отнятия единиц. Но сфера

Глава V. Философия в XII веке

206

творения есть сфера изменения; следовательно, творение — это область числа, тогда как Божественное — область единицы. Возвыситься до начала числа, которым является единица, значит возвыситься от твари к Творцу. Вещи существуют только посредством Бога, и в этом смысле Бог есть форма всего сущего. Это не означает, что Бог в качестве формы заключен в материи существ, это означает лишь, что «присутствие Божественного во всех творениях есть их тотальное и единственное бытие, так что и сама материя обязана своим существованием присутствию Божества». Поскольку Бог — это единица, то утверждение, что Бог есть форма существования (*forma essendi*) Его созданий, равносильно утверждению, что их *forma essendi* есть единица: «*unitas igitur singulis rebus forma essendi est*»*. Это со всей очевидностью проявляется в том, что единство** —